

18+

АННА СЕНИЧЕВА

«ПЕРО ЗИМОРОДКА» И ПРОЧИЕ ТАЙНЫ

ЮВЕЛИРЫ И АВАНТЮРИСТЫ

Анна Сеничева

«Перо зимородка» и прочие тайны

«Издательские решения»

Сеничева А.

«Перо зимородка» и прочие тайны / А. Сеничева —
«Издательские решения»,

Наш план был прост: съездить на неделю в столицу, развеяться после моих злоключений и заглянуть на выставку драгоценностей — тех самых, из легендарного «Наследия». Опасностей никто не искал. Отдых вышел на славу: в столичных музеях привидения объявились, приятеля моего отравить пытались, полиция нами заинтересовалась, да и с «Наследием», похоже, дело обстоит непросто. Но насколько непросто — мы и представить себе не могли. Так что рано мне убирать моё фамильное кольцо. Оно мне ещё пригодится.

© Сеничева А.

© Издательские решения

Содержание

I	6
II	16
Конец ознакомительного фрагмента.	31

«Перо зимородка» и прочие тайны

Анна Сеничева

© Анна Сеничева, 2026

ISBN 978-5-0071-4451-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

В начале декабря Брокхольм завалило снегами.

Просёлки утонули в глубоких сугробах, путь к Альтингену расчищали целый день. В деревне выросли снежные крепости, залитые водой с Ледяного ручья — он не замерзал даже в самые лютые морозы и сварливо бурчал, пробивая себе дорогу среди белых комьев. Все катались с гор на снях и чистили снегом ковры.

А потом сильная оттепель вернула осень.

Крепости съжились и опали. Обнажилась чёрная земля, развезло повсюду дороги. Грета сказала — кое-где на розовых кустах даже показались почки. Максимилиан с недовольным видом сидел на дубе, не понимая, что творится вокруг и как ему жить — как зимой или как осенью. Наконец забирался в своё дупло и принимал единственно верное решение — поспать.

А мне спать много не приходилось, дел хватало.

Бумажная волокита тянулась второй месяц. Погасить долги, как выяснилось, полдела, дальше пришлось освобождать имение из-под ареста, а это та ещё морока. Дворянский опекунский совет дотошно сверял каждую ложку, светильник и стул. Скоро передаточные описи занимали уже половину нашей передней и не собирались останавливаться.

Грета ругалась на чём свет стоит, что эти амбарные книги, видите ли, мешают ей мыть полы. Я уточняла, когда это она их мыла в последний раз. Вон тот клочок бумаги не первый день лежит... В ответ Грета велела не придирается к словам, сообщила, что даже у лучших самоцветов — это она про себя — бывают изъяны, и мне ли этого не знать.

Я подняла с пола бумажку — это был лист календаря с пометкой о визите в банк. Надо бы и вправду куда-то всё это деть, но единственным местом, содержавшимся в порядке, была моя мастерская. А там кислоты, щёлочи, травильные вещества, прочее — могут протечь и разесть документы. Да и новому составу для горелки я не вполне доверяла — как оказалось, не зря.

Нынче праздновали день святого Ансельма, и колокола церковью Альтингена слышно было даже в нашем саду. К одиннадцати часам утра должен приехать представитель опекунского совета — сухощавый и отменно вежливый педант. Надеюсь, решим все вопросы, а то надоела эта канитель. Потом в городок съездим, там по праздникам ярмарка, собираются пекари со всей округи...

Ах, чтоб тебя! Горелка с сухим треском разлетелась на части, я едва успела отскочить. Провалиться бы этой кафедре с её химиками!

Звон кастрюль в кухне затих.

— Что там опять? — крикнула Грета.

Вот где не надо, слух у неё отличный! Про уборку бы так слушала...

— Ничего! — отозвалась я, ошупывая лоб.

— А то я вас не знаю! Опять что-то взорвали! Не успели из долгов вылезти, давай бить, крушить, имущество портить! Увидела бы Ванесса-Терезия... — и ещё что-то в том же духе.

Я промыла царапину на лбу и принялась оттирать сажу с лица. Старые часы с дребезжанием зазвонили, и тут же в передней послышался знакомый фальцет. Ворота были настежь, дверь тоже — Грета проветривала дом от своей готовки, так что наш гость беспрепятственно проник во двор и теперь стоял на пороге.

— Входите, сударь! — крикнула я. — Милости просим!

Представитель в изысканных выражениях извинялся за то, что позволил себе явиться раньше оговорённого времени аж на целых три минуты. Именно сегодня мог бы и опоздать часа на полтора, так нет ведь...

— Доброго дня, многоуважаемая госпожа Вандервельт!

— Доброго дня, сударь! — откликнулась я, драпируя прожжённый рукав.

— Благодарю, что приоткрыли дверь, а то этот разбойник, что вырезан вот тут, на дверях, всегда меня смущает. Этакая свирепая рожа, настоящий висельник! Хотя простите — он ведь, кажется, какой-то ваш предок?

— Возможно! Но он вас не укусит, господин представитель.

Хотя... кто знает. Служителей закона этот тип вряд ли любил — может, чего и выкинет.

— Вы готовы заняться делами, сударыня?

— Разумеется. Дела, господин представитель, прежде всего.

Наш правовед сидел, раскладывая бумаги из портфеля и напевая что-то из недавней оперной арии. Услыхав шаги, поднял глаза, уставился на меня и даже встать забыл. А тут ещё Грета высунулась из кухни и предложила угостить господина представителя кофейком. Не знаю, что уж ему не понравилось — что плита дымила, как в преисподней, или что Грета сжимала в руке здоровенную кочергу. Или мой вид.

Видимо, поэтому с делами мы управились за час, хотя я думала провозиться до вечера. Гость, слегка нервничая, собрал подписанные акты и попросил разрешения откланяться. У ворот я вспомнила, что святой Ансельм, чей день сегодня отмечали, считался покровителем всяких судей, стряпчих да прочих крючкотворов, и вроде как патроном нашего гостя, и поздравила с праздником.

— Да-да, со святым днём вас, — кивнула Грета, держа в руке какой-то дрын.

Зачем он ей... А, ладно. Взяла — значит, нужен был.

В дупле завожился и заверещал невидимый Максимилиан.

Представитель Совета поглядел на дуб, потом очень серьёзно поблагодарил и пожелал мне больше не влезать в передраги вроде той, из которой я только что выбралась. Я тоже от души поблагодарила и ответила, что постараюсь.

Уезжал гость так резво, что чуть не скатился в придорожную канаву. Когда его коляска скрылась за поворотом, я обернулась и посмотрела на наш дом.

Ройбер-Херберге стоял под пасмурным зимним небом со своими замшелыми крышами, стенами из тёмного камня и совиными барельефами. Старый нерушимый дом, настоящее разбойничье логово. Совы выглядели умиротворёнными. Понимали, что тучи над берлогой Вандервельтов наконец-то разошлись.

Кое-какие дела на сегодня ещё оставались — надо было затеять стирку, пока снова не ударили морозы, и прибрать мастерскую. Может, в городок съездить успеем, как собирались. Других гостей не ждали, так что колокольчик на воротах звякнул совсем некстати.

— Ты тоже слышала или мне показалось? — спросила я Грету.

— Вроде кто позвонил. Может, опекунский господин вернулся?

— Это вряд ли...

За калиткой никого не было. Странно — шутить тут некому, народ в округе солидный и делами занятый. На дороге тоже никого. А в кованный завиток ограды было воткнуто что-то вроде букета.

В цветочной лавке, конечно, такой бы не выставили. Корявые сосновые ветки в пятнах сизого мха — это ещё надо было найти такие узловатые и кривые — были перевиты грубой верёвкой, на которую нанизали грошовой стеклянные бусины, но всё вместе смотрелось так, что глаз не отвести. Будто сам леший из Брокхольма преподнёс.

Из-за рваного облака глянуло солнце, бусины вспыхнули в его лучах, и ветки осыпало сетью сверкающих искр. Отчего-то стало легко и радостно — словно прошуршал по крышам весенний дождь и раскидал по деревьям свои хрустальные подвески. Пахнуло в лицо талым снегом и сыростью болот, и я будто вживую услышала, как стучат по карнизам и водосточным трубам капли, а мы несёмся по лужам — тогда, давным-давно, в детстве...

Среди моих друзей лишь один мог в два-три движения создать диковину из всего, что нашлось под рукой — будь то шишки, листья или обрывки лент. Но для верности на нитке болталась короткая записка.

«Уважаемая госпожа Вандервельт!

Ничтожный слуга шлёт горячий привет хозяйке здешних мест. Я случайно проезжал ваши отдалённые дикие края, опасные для всякого человека, издали взглянул, как гордо реет над крышами ваше родовое знамя, и слеза умиления выкатилась из моего глаза...»

Ну кто же ещё это мог быть!

— Жаль, что мимо проехал, — громко произнесла я. — А то мы пирожков напекли, могли бы угостить. Ну нет — так нет. Самим больше достанется.

Из-за тополя напротив ворот вышел Отто Бернстайн. Снял шляпу и отвесил изысканный поклон.

— Я недалеко отъехал, — широко улыбнувшись, сказал он. — Успею вернуться.

— Ты какими судьбами в наших «диких отдалённых краях»?

— Так я к тёте приехал погостить, она же в Альтингене живёт, — ответил Бернстайн. — А в городе каждая собака знает, что в Брокхольм вернулась хозяйка. Разве я мог не заехать?

— Точно... Как тетя поживает?

— Да всё так же — занимается вышивкой и своими пчёлами, я на этот мёд уже смотреть не могу. Вон, вам бочонок привёз.

Тут его увидела Грета.

— О, гляньте, гляньте, кто пожаловал! — крикнула она, развешивая бельё. — Наш прохиндей! Что тут забыли?

Бернстайн повесил шляпу на ветку.

— Вижу, мне здесь рады... Да вот картину с вас буду писать, сударыня. Всю страну объехал, — он облокотился об ограду, — но лучше вас натурщицы не нашёл.

— А кого на этот раз малюете? — деловито спросила Грета.

— Кунигунду из Ольхового леса — помните такую легендарную воительницу? Замок защищала, дралась на мечях, пила, как сапожник, и прочее...

— Слышала-слышала, как же, — Грета закинула простыню на верёвку. — Дама серьёзная, а про сапожника это враки. Почему нет? Могу и согласиться.

— Но есть одно важное условие, Грета! Кунигунду, — он сделал значительную паузу, — пишут только обнажённой. В одежде её путали с мужчинами, так что по-другому никак. А за рисованием должны присматривать десять старцев из числа самых уважаемых членов Академии, чтобы свидетельствовать все приличия...

— Ну и дурак же вы, — Грета взяла таз. — Всё такой же рыжий и веснушчатый, ничуть не изменился!

— Да, это моя большая драма, — усмехнулся Отто.

— Ванесса-Терезия вообще рыжих не жаловала, но вас, сударь, всегда отмечала, я помню. А это что за хворост у вас в руках, мадам? Максимилиану дупло оттапливать?

— Хворост?! Да это, сударыня, произведение искусства!

— А, теперь это так называется, — со вздохом сказала Грета. — У нас таким искусством все сараи полны.

— Меня в дом, собственно, не хотят пригласить? — возмутился Бернстайн. — Не успел прийти, а уже столько оскорблений наслушался!

Грета запустила в него мокрым платком:

— Так проходите, чего встали!

...А луковые пироги мы всё же подпалили. И соли маловато положили. Увидел бы это дело Карл, который полжизни положил на рецепт — его бы удар хватил. Но Карл спозаранку уехал в Альтинген на ярмарку со своим печевом, так что хвататься за сердце было некому.

Обедать сели перед домом. Вытащили в сад старый стол и запалили костерок в каменном очаге. Грета пристроила кофейник над огнём и пошла в дом за супом.

— Здесь по-прежнему кладут в кофе цикорий? — спросил Отто, расставляя стулья. — По заветам госпожи Ванессы-Терезии? — он посмотрел на барельефы над окнами. — Совы, как вижу, никуда не делись... День добрый, госпожа сипуха! А это вон... всё время забываю, кто.

— Это неясить, — ответила я.

— Точно, — он улыбнулся, потягиваясь. — Бородатая неясить, да? Опять бежит тропа моя туда, в разбойничьи края! И топь болот, и глушь лесов, и что-то там ещё про сов...

— И взгляды желтоглазых сов.

— Ага. Верись — будто снова в детство попал! А вон та бронзовая сова на крыше по-прежнему летает ночами?

— Однажды я вроде видела пустой шпиль, — я расстелила льняную скатерть, — тарелки давай сюда... Правда, тогда сильно мелко, могла и ошибиться. Хочу как-нибудь в полночь выйти и посмотреть, да всё забываю. Сейчас не до того, по правде говоря.

— Да уж вижу, — он смахнул листья со стульев и повесил пальто на спинку. — Приводишь дела в порядок?

— Как умею.

— Отлично ты умеешь, я-то знаю. Даже и сказать не могу, как рад вас обеих видеть. И рад, что твои беды-злосчастья наконец-то закончились, — он посмотрел на меня, склонив голову набок. — Ведь закончились?

Я села, отодвинув пачку писем.

— Похоже, да.

Отто устроился напротив, вытянув ноги. Помолчал, разглядывая дом.

— Водосточный жёлоб протекает. Вон тот, с головой кабана... Гм, не стану спрашивать, как ты выкрутилась — подозреваю, что сведения не для всех ушей. Чего улыбаешься? — спросил он. — Да, секрет? Ладно, захочешь — расскажешь. Вы хотя бы с Гретой никого не пристукнули? Если требуется дать ложные показания, то можете на меня рассчитывать.

— Оставьте свои мерзкие инсинуации при себе, господин Бернстайн. Даже не понимаю, о чём вы.

— Ну, я вряд ли поверю, что в этом таинственном деле прямо-таки обошлось без уголовного, — заметил Отто.

— Совсем без уголовного не обошлось, тут ты прав. Но мы с Гретой противостояли ей как могли. Если коротко — мне помог счастливый случай, — я сняла кофейник с огня. — Так бывает.

— Может, у счастливого случая имя есть? — улыбнулся Бернстайн.

Я хотела улыбнуться в ответ, но как-то не вышло. Вокруг снова потемнело — это из-за леса выползла туча и встала над крышами дома. На стол упало несколько тяжёлых капель. Каменные совы помрачнели и насупились.

Имя? Да, у моего счастливого случая было имя. А также фамилия и звание — кажется, старший советник юстиции. Вечно путаюсь в этих чинах...

— Я к тому клоню, — продолжал Бернстайн, — что это может быть, например, твой друг? Или тайный воздыхатель?

— Из друзей у меня, как оказалось, только ты да мой профессор. А все воздыхатели, тайные, явные, испарились в ходе процесса о банкротстве. После первых же заседаний исчезли, как тьма на рассвете.

— Ну, так они вроде опять материализовались, — Бернстайн кивнул на письма. — Вон те две фамилии я точно помню.

Сверху лежала пара конвертов со столичными почтовыми штемпелями. Имена отправителей под каплями дождя мокли, размывались, и скоро остались только поблекшие каракули. Я взяла оба письма и бросила в костерок.

— Сурово, — заметил Отто.

— А толку от них... Вон, даже на растопку не годятся. Грета, ты идёшь?

— Минуту! — донеслось из дома.

— Может, ты и права, — заметил Отто, глядя, как тощее пламя обгладывает бумагу. — Да, чуть не забыл... Поблагодарить тебя хотел.

Я сделала удивлённый вид.

— Ладно, будет... Какой-то неизвестный благодетель оплатил пансион сестёр. То есть он пожелал остаться неизвестным, но я парень пронырливый, ты же знаешь. Правда, мне нечем отдаривать, во всяком случае — пока, — он неловко улыбнулся. — Думаю, это ты тоже знаешь.

— Познакомишь с новостями — и будем в расчёте. Я на два месяца выпала из жизни, пока занималась... всем этим.

— Это с большим удовольствием. Вон и госпожа Кунигунда, — из дверей показалась Грета с огромной супницей. — А новостей хватает. Профессор Иезекиил передаёт привет и велит напомнить, что в марте в Ювелирной палате очередная переаттестация.

— Уже готовлюсь.

— Готовься, но сильно можешь не усердствовать: великого Дитриха Бергена — представь себе! — не будет.

Я чуть не опрокинула кофейник.

— Неужели в отставку подал?

— В том-то и штука, что нет, — Отто хмыкнул. — Представляешь, этот вурдалак исчез. Не спрашивай — куда, как и прочее. Не знаю. В Палате ничего не говорят, но делают кислые рожи. Возможно, просто тихо сняли — всем известно, какие слухи о нём ходили.

— Ходить-то ходили, но за руку Бергена не ловили. А не пойман — сам понимаешь.

— Может, и ловили разок-другой, — возразил Отто, — а мы просто не знаем. Отличные пироги получились, зря наговариваете... Так вот, Берген. Наш профессор говорил, что самый видный знаток сами знаете чего научился неплохо торговать своими знаниями. Намёк прозрачен, — он усмехнулся, — как алмаз чистой воды.

— Да, помню. Берген ещё грозился привлечь его за клевету.

— Вот-вот, — кивнул Бернстайн. — А чем дело-то кончилось?

— Вроде Иезекиил сказал, что если Берген затеет суд, то пусть пеняет на себя.

— Ну вот, а говоришь — за руку не ловили, — заметил Отто. — Значит, нет дыма без огня. Ладно, хватит о нём, слишком много чести. Что там ещё из важного... Наша держава наконец-то помирилась с родственным герцогством Эльзингер, и оно снова отказалось от своих династических претензий.

— Это хорошая новость, — с авторитетным видом заметила Грета, вытряхивая из банки варенье. — Правда, раз в пятый уже мирятся, ну да ладно. Худой мир лучше доброй ссоры. А то прошлым летом чуть воевать не надумали.

— Да, я чуть не осталась без хорошего заказа. Перестали возить хризолит, а он был в дикой моде, все просто с ума сходили. Кому ещё кофе?

— Мне, будь добра. А меня тогда прямо на границе развернули, к друзьям не попал. Кстати, ты сказала «чуть не осталась», — Отто с понимающим видом сощурился. — Значит, решила вопрос. Контрабанда?

— А ты как думал. У тебя-то как дела с законом? — не удержалась я. — Старинными полотнами больше не торгуешь?

— Да, бросил это дело, — усмехнулся Бернстайн. — Теперь подписываю созданные мной шедевры исключительно своим именем. Давай-ка закроем тему, а то аппетит пропадёт. Так вот, месяц назад наш музей выставлял картины в их столице, а теперь Эльзингер в качестве ответного реверанса привозит «Наследие».

— Неужели то самое? — удивилась Грета.

— Оно одно, госпожа Кунигунда. Единственное и неповторимое. Будет открытая выставка, а в Линденштадте только и разговоров, что про эти драгоценности. На дорогах сумасшедшие меры безопасности. Свидетельствую лично, ибо добирался сюда какими-то ослиными тропами — то там перекрыто, то здесь...

— Получается, всю кладовую герцогства привезут? — уточнила я. — Прямо все драгоценности?

— Получается, что так. Как они на это решились, даже не знаю.

— Хорошо бы туда попасть, — сказала я. — Такое раз в десять лет бывает.

— В десять или не в десять, но другой такой случай — да, нескоро представится. Может, в делах престолонаследия Эльзингер и не преуспел, а вот в ювелирном деле им равных нет. И камни оттуда везут стоящие. Видел однажды их изумруды — прямо как глаза у твоего филина.

— Если ты про Максимилиана, то это воробыный сыч.

— Сыч так сыч. А где он сам? — Отто задрал голову и посмотрел вверх, в переплетение голых веток.

— В дупле спит. Проснётся — выглянет.

— А, ну-ну. Дамы, а из чего это странное варенье?

— Из крапивы, — ответила Грета.

— Надо же, раньше не пробовал. Хотя в ваших краях из чего только не варят — дань разбойным временам, когда поедали всё, что только можно. Крапива, крапива... — Отто поскрёб переносицу. — А помните такое название — «Крапивный овраг»?

— Помню, — кивнула я. — Юлиус Блофельд, суконный король. Ты же про его имение?

— Которое через месяц идёт с молотка. Тебе он ничего не должен, надеюсь? А то гроша ломаного не получишь. Опять у него то ли склады сгорели, то ли доходные дома затопило. Разорились, в общем.

— А, так это не новость, — заметила я. — Он уже лет семь как разоряется.

— Но в этот раз, похоже, справится. Правда, говорят — глава семейства намерен поправить дела свадьбой.

— Своей? — удивилась я.

— Нет, разумеется. Дочери. Болтают про какую-то хорошую партию, уж не знаю, кто позарился на эту склочную семейку. И если не поумерят свой знаменитый размах, в скором времени и от денег жениха ничего не останется, разве только это будет сам кронпринц.

— А знаешь, кстати, почему они вниз покатались? — я допила кофе.

— Аферы? — спросил Отто. — Кражи, карточные долги?

— Про это не знаю, хотя не удивилась бы.

— Тогда проклятия и родовые тайны? — с любопытством продолжил Бернстайн.

— Вот это ближе к истине, — ответила я, глядя на яркие рябиновые гроздья за оградой. Кое-что в связи с этой историей они мне напомнили. — Если будем в Линденштадте — покажу вам кое-что интересное. Ещё чем удивишь?

— Попробую. Сам я, когда узнал, весьма изумился. Месяц назад какие-то чрезвычайно умные люди ограбили Исторический музей.

— Королевский? — переспросила я.

— Нет, я не оговорился. Исторический. Вот тот самый.

— Мать честная, что ж там брать? — спросила Грета. — Черепки?

— Ну, не только черепки, не оскорбляйте богадельню, — возразил Бернстайн. — Там копья, палки, первые ткацкие станки, кирпичи какие-то тысячеклетней давности... В общем, полно ценностей, на которые могут позариться действительно серьёзные люди.

— И на что же они позарились в этот раз?

Отто с небрежно-таинственным видом взял чашку.

— А вы угадайте. Скажу сразу — всё вышеперечисленное в интересы грабителей не входило.

— Там был большой серебряный гроб, — хмуря лоб, припомнила Грета. — Полководца какого-то, что ли. Вещь стоящая. Вот если бы мы решили обокрасть музей...

— Да нет, как его вытащишь, — задумчиво ответила я. — Там же полстены снести надо. Да и не серебряный он, насколько я знаю. Что-то вроде имитации из крашеного гипса, настоящий стоит в базилике.

— Гобелен королевский висит, — продолжила Грета. — Со стеклярусом. Блестящий такой.

— Так себе драгоценность, откровенно говоря. Особые условия хранения, мыши сгрызть могут, да и слишком известен, попробуй потом продай. Я бы не взялась.

— Что ж это за музей — и красть нечего!

— Совершенно нечего, Грета. Выгоды ни малейшей.

Отто громко расхохотался, и Максимилиан выглянул из дупла. Его жёлтые глаза горели во тьме логова.

— Воровское гнездо! Сударыни, вы меня пугаете...

— Так что украли? — спросила я. — А, там ещё вроде «Перо зимородка» лежит, неужели его?

Бернстайн щёлкнул пальцами.

— Именно его!

— Королевский скипетр? — не поверила я. — Ты серьёзно?

— Я — нет. Но в газетах писали, честное слово. Вот, можешь сама прочесть. Сейчас достану, вроде что-то оставалось...

— Да, многое тут случилось, пока я разъезжала.

— Многое, многое, — Бернстайн потянулся к своей сумке и вытащил газету. — Исторический музей напечатал язвительное извинение — мол, недостаточно крупно написал, что представляет собой этот новодел. Впрочем, бедолаги, несмотря на то, что дураки, и сами разобрались довольно быстро. Скоро это барахло уже валялось на мостовой.

— А полиция? — спросила я.

— Гм... Что? А, полиция. Ну, наверное, посмеялись. Судя по тону статей, нашли забавным. Газеты уже провозгласили это самым глупым ограблением века.

— Статей? Вот так — во множественном числе? Об этом много писали?

— Да, прилично, — кивнул Бернстайн. — Очень уж диковинное происшествие. Где-то я видел даже целый разворот. А, вот он. Исторический музей решил воспользоваться случаем и попасть на первые полосы. Когда ещё он удостоится таких фанфар...

— А ты сам-то что об этом думаешь? — осторожно спросила я.

Отто бросил на меня косой взгляд и пожал плечами.

— Думаю, что чудаков на свете хватает.

— А...

— И ничего больше.

Я пролистала газеты. Там действительно нашлись две большие статьи и несколько заметок. В каждой подробно разъяснялось, какое это забавное происшествие, как ему не стоит придавать ровным счётом никакого значения, разве что посмеяться и забыть. Попутно повторя-

лись известные сведения как о самом «Пере зимородка», так и о копии, лежавшей в витрине музея.

Собственно, из того, что это именно копия, тайны никогда не делалось. Сам легендарный скипетр, под который собралось всё королевство в тяжёлые времена сто лет тому назад, считался пропавшим, когда от сильного пожара пострадал дворец Бергхоф, где хранились королевские регалии. Считалось, что он пропал так же внезапно и таинственно, как и появился — словно пришёл из небытия и ушёл туда же.

С пропажей скипетра закончилась целая эпоха. А сам он был настоящим чудом — до сих пор непонятно, как и кто его сделал: профессор Иезекиил с коллегами кое-что откопал, что-то восстановил, но до конца так и не разобрался. Со времён учёбы я запомнила его описание, в котором напротив каждой графы — «Автор», «Дата создания», «Материалы» — стояло одно сокращение: «неизв.»

Навершие скипетра украшал изумруд сине-зелёного оттенка с золотыми вкраплениями, вправду похожий на головку зимородка. Второго такого никогда не будет. И воспроизвести настоящее «Перо» было невозможно, а делать просто что-то похожее — бессмысленно.

Так что в музее находилась восстановленная по рисункам копия, причём из чего именно копия, было детально указано: позолоченная медь, имитация драгоценных камней — именно имитация — поталь, фольга. Всё.

Я сложила газеты.

— Ни за что не поверю, что тебе всё равно.

— Дело твоё, — ответил Бернстайн.

— Отто, выкрали подделку. Заведомую подделку, никому не нужную, и тут же выбросили. А газеты пестрят рассказами о том, как это глупо, словно, — я искала слова, — словно хотят убедить весь свет, что ничего за этим не стоит.

— Если за этим что и стоит, то разбираться будет полиция. Уж точно не мы с тобой.

— А то, что «Перо зимородка»...

— Да знаю! Вершина творчества моего отца, — Бернстайн закинул ногу на ногу и уткнулся в газету. Смотрел он разворот с выходными данными. Читать там было нечего.

— Зря злишься. Сам ведь знаешь — Бернстайн-старший был талантливее всей вашей Академии вместе взятой.

Отто сухо кивнул:

— И особенно талантливо умел брать, что плохо лежит, влезать в авантюры да производить всякие мистификации... сомнительного характера. Увы, этого и мне перепало, особенно его-то скандальной репутации. Ой, господин Бернстайн, — пропищал он, явно подражая кому-то, — а вы тоже мастерите древности, как ваш почтенный батюшка?

— Тебе и дарований от него перепало, так что не жалуйся, — я помолчала. — Скучаешь по нему?

Отто положил газету на стол.

— Да. Хотя и непросто у нас всё было.

— Знаю.

— И, ты понимаешь... даже попрощаться не успел, его сослуживцы провожали. Я тогда в отъезде был. И незадолго до кончины отец мне ещё письмо написал — мол, Отто, мой мальчик, верь моему слову, всё у нас будет прекрасно и замечательно, а впереди лучезарные дали. Что-то в этом духе...

— А дело-то закрыли?

— Дело закрыли. Может, и хорошо, что он вот так ушёл — в этот раз бы точно в тюрьму угодил. Ладно бы модных живописцев подделывал, а то старинные полотна, — Бернстайн потёр лоб, — безумной ценности. До сих пор не пойму, как в нём всё это сочеталось.

Грета наконец решила сменить тему:

— Так мы как — на выставку побрякушек-то едем?

— Побрякушек! — фыркнул Бернстайн. — Вы, Грета, состоите камеристкой при известном ювелире, а такие высказывания себе позволяете! Побрякушек... Желаете — можем и проехаться, подышать столичным воздухом. Только отправляться надо в ближайшее время — учитывая, что творится на дорогах, неизвестно, сколько и как будем добираться. Кстати, экипажа-то своего у тебя нет? Помнится, у вашей семьи такой выезд был, все соседи от зависти помирали.

— Усадьбу в порядок приведу, займусь и выездом. Не всё сразу.

Бернстайн снова посмотрел на дом.

— Когда решишь, что тут требуется, мне напиши, я мастеров найду. Помню, какие у вас тут изыски, ещё не каждый справится. Мои прекрасные дамы, а кофейник-то пуст, да простят мне этот намёк...

Я усмехнулась и встала.

— Банка на полке у двери, — предупредила Грета, собирая тарелки. — Не свалите и не взорвите там чего-нибудь.

— Постараюсь.

— Тяжело на службе приходится, госпожа Кунигунда? — с участием спросил Бернстайн, ковыряя кофейную гущу. — Хозяйка-то не сахар.

— Всяко бывает, — со вздохом подтвердила та. — Давно бы ушла, да совесть не даёт — как мадам без меня-то будет...

— Управа благочиния собралась, — ответила я, забирая поднос. — За костром последите.

В доме я поднялась по лестнице и встала на маленький балкон, нависавший над первым этажом острым косым углом. Снизу балкончик выглядел обычным, а здесь становилось видно, какой он несуразный, тесный и кривой. В семье шутили, что его делал нетрезвый плотник, поэтому балкон и прозвали «пьяным».

И только этой осенью мы разгадали эту загадку — тогда она едва не стоила жизни мне и господину советнику юстиции. Впрочем, она же и покончила со всеми моими бедами, так что мы в расчёте. Господин советник тоже внакладе не остался, поскольку нашёл, кого искал, после чего наши пути разошлись... Да и хватит об этом.

Я перегнулась через перила. Ковёр из чистки вернут только через неделю, и можно полюбоваться на мозаику пола. Она по-прежнему изображала не то костёр в лесной чаще, не то сову. Скорее, всё же сову. Жёлтые глаза плутовски шурились, словно знали, что у меня на уме.

Нестерпимо захотелось достать одну вещь и взглянуть на неё — проверить, всё ли осталось по-прежнему. Целый месяц я о ней не вспоминала, а теперь так и тянуло. А если совы Брокхольма забрали свой подарок, решив, что хватит с меня чудес? От этой мысли мне стало не по себе.

Я прошла в мастерскую и заперла дверь — на три оборота, чтоб уж наверняка. Взяла с полки два нужных фолианта и вдавила в стену резную панель шкафа. Она сдвинулась с места, открыв глубокую нишу. На самом виду там лежали поддельные документы — банковские векселя на предъявителя, дальше футляр со стразами, очень похожими на бриллианты. Всё для отвода глаз. Таких тайников в доме было полно, мы и сейчас не все ещё отыскиали.

В глубине ниши лежала неприметная шкатулка. И там, в тёмно-зелёном бархате, как в лесном мху, лежало наше родовое кольцо.

Кольцо Разбойника.

Я вытащила его из бархата. Широкий обруч из чистого золота, на нижнем ребре — царапина. Полвека назад появилась, когда кольцо уронили под колёса кареты. Или оно сбежало само, что вернее. На вставке из тёмно-красного агата вырезан рисунок костра, и не сказать,

чтобы красиво вырезан. Каст грубоват, сейчас так уже не делают... Но ценность этого кольца определялась не камнем, не исполнением и даже не золотом, хоть его в нём и хватало.

Я надела кольцо и целую минуту смотрела, как агат меняет цвет, медленно наливаясь красным, как он разгорается и как отчётливо проступает на нём рисунок костра. Точно в кольце была заключена искра настоящего живого пламени.

Осталось ли всё, как прежде?

Дверь заперта, ключ лежал на столе. Сквозь приоткрытое окно было слышно, как Грета и Бернстайн дурачились в саду, кидались мокрым бельём и смеялись. Вспоминали, как мы детьми прятались в сарае и играли в разбойников. Я тоже это отлично помню. Только для меня эта игра вовсе не кончилась, она просто повзрослела и подняла свои ставки.

Я взялась за дверную ручку и нажала её. Запертая дверь открылась, тихонько скрипнув петлями. Надо бы смазать. И сразу за этой мыслью я поняла, что всё осталось как прежде.

Будем надеяться, что кольцо мне больше не понадобится. Хотя...

Кто знает, как там всё повернется.

II

Линденштадт готовился к зимним праздникам.

Как помнится, настоящая городская жизнь тут начиналась с середины ноября. Летом все пропадали в загородных имениях и на водах, в октябре возвращались и приводили в порядок городские дома. Два первых осенних месяца были бестолковыми и суетливыми, а в ноябре светская жизнь более-менее устанавливалась и вступала в свои права. Всю зиму Линденштадт ходил в театры, танцевал на балах, проигрывал состояния, женился-разводился, вёл громкие судебные процессы и работал не покладая рук.

На дорогах в этот раз было суматошнее, чем обычно, и полицейских больше. На почтовых станциях царили сутолока и неразбериха.

Под Кривым бродом ветром повалило деревья. Кто-то из пассажиров принял это за разбойничью засаду и поднял крики, требуя полицию. На другую станцию целый час не пускали — чинили лопнувшую рессору экипажа какого-то посланника, и наш кучер долго изощрялся в предположениях, куда именно это был посланник.

На выезде из Альтхофа станционный смотритель выдал свежих лошадей другому экипажу раньше нашего — там ехал его приятель — а на праведный гнев путников заявил, что не первый год на службе, и хлопнул дверью.

Пока мы ждали смену, Бернстайн нарисовал углём на стене домика смотрительскую физиономию, присовокупив к ней ветвистые рога и значительно увеличив уши. Во всю стену нарисовал — мимо не пройдёшь. Под рожей было приписано: «Не первый год на службе». Все хохотали и расписывались на стене в знак согласия. А Грета за эту мелкую шалость напустилась почему-то на меня, хотя моя-то была всего лишь идея.

Багровый от гнева смотритель рыскал между пассажирами, ища виновного. Видимо, рассчитывал встретить чей-то наглый и вызывающий взгляд, а мы тем временем смирно сидели в углу. Отто даже подобрал где-то палку и старательно изображал не то хромого, не то слепого.

— Неужели все так рвутся на эту разнесчастную выставку? — спросила Грета, глядя по сторонам. — Вы только посмотрите, ещё два экипажа! Надо кренделей взять в буфете, пока не разобрали.

— Любители искусства, конечно, имеются, — заметил Отто, потихоньку вытирая руки от угля. — Только на него ещё полно высоких гостей съезжается, будут торговать, договариваться, бумаженции разные подписывать... Больше вокруг них выются. А насчёт буфета мысль здравая. Только мне туда нельзя, ещё смотритель прибудёт. Поухаживайте за мной, сделайте милость.

— Везде выгоду найдёт, — заметила Грета. — Такой прохиндей, а ещё этот, как его... живописец!

Я пожала плечами.

— Так одно другого не исключает...

В Линденштадт мы явились уже под вечер, отбившись от расписания часа на два. Прошли через большой зал ожидания к площади, обсаженной старинными липами. Было тепло и сыро — оттепель похозяйничала и здесь. На мокрой брусчатке сверкали фонари, в лужах купались голуби.

До самой ночи мы бродили по улицам. В одном заведении ели сосиски с жареной капустой, в другом пили кофе с марципанами. Обошли полгорода — от Королевского рва до острова Маргариты, где собирались художники, гончары, кузнецы и прочие мастера.

Когда наконец уселись на площади Трёх королей неподалёку от гостиницы, куранты Рыцарской церкви уже отбивали половину десятого. Под бой часов из башенки выползла кривая фигурка рыцаря, потрясла копьём и вползла обратно.

— У меня ноют ноги, — заявил Бернстайн. Он вручил мне стакан глинтвейна и привалился к спинке скамьи. — Правильно Кунигунда в гостиницу направилась, она-то тебя знает. Ночью толком не спали, день в дороге тряслись. Столько времени ещё впереди, но нет — надо сегодня каждый закоулок обшарить... Устал как собака.

— Надо пользоваться любой возможностью, — заметила я, — мало ли что.

Отто достал из кружки сосновую почку, бросил на клумбу. Отпил горячего пряного напитка, что-то одобрительно пробурчал. Затем, видно, осмыслил мои слова.

— Мало ли что, говоришь? А что у нас вдруг может случиться?

— Откуда же мне знать. Это в Брокхольме крыша протечёт или коза на чужом огороде капусту поест. А здесь всё же столица, господин Бернстайн. Вихрь событий...

Бернстайн хмыкнул.

— А ты часом ничего не замыслила? Недаром же так профессионально оценивала музейные экспонаты. Что-то конкретное знаешь про эту выставку? Или про нашу поездку?

— Да не больше твоего. Органный концерт понравился?

— Уходишь от разговора. Ладно, так и быть — учитывая, что мы пробрались в собор за грошовое пожертвование, я ставлю концерту высшую оценку. Но жонглёр на площади меня просто сразил наповал...

Отто говорил ещё что-то, а я всё смотрела по сторонам. До нынешнего вечера я и представить себе не могла, как сильно обрадуюсь этому городу — будто доброму старому другу. Он повзрослел с нашей последней встречи, но похорошел и принарядился. Вон сняли леса с базилики Святого духа, подновили Регентскую башню. Достроили Малые ворота. Украсили доходные дома...

Но кроме домов и улиц я надеялась увидеть ещё кое-что. Точнее — кое-кого. Сюда понагнали полиции со всего королевства, так почему бы среди этой армии правопорядка не оказаться и ему? Допустим, случайно. Или не совсем случайно. И поэтому так не хотелось уходить. Казалось, что сейчас, вот именно в ту минуту, как я встану и уйду, на площади появится один мой знакомый, а я уже буду на соседней улице. И мы разойдёмся.

Разумеется, Бернстайну не к чему знать, что я ищу встречи с представителем закона, да ещё не в последних чинах — вот бы обрадовался. Хотя на физиономию Отто я бы посмотрела.

— Всё, идём, — скомандовал он и встал.

Я дёрнула его за рукав.

— Ещё пять минут... Завтра всё равно ведь до полудня проспшишь.

Отто с недовольным видом уселся на скамью и уставился на площадь. Духовой оркестр закончил концерт, музыканты упаковывали инструменты, зрители хлопали и расходились. Торговцы сворачивали лотки и выкрикивали последнюю цену на нераспроданные кренделя.

С дальней стороны площади показалась высокая стройная фигура в мундире — отсюда не было видно — в каком. Только блестели в свете фонарей золотые нашивки.

У меня дрогнула рука, глинтвейн плеснул через край. Я поставила недопитый бокал на скамью. Человек приблизился, сверкнув эполетами — это был военный, дирижёр оркестра. В руке он держал кивер. Встретившись со мной взглядом, офицер отвесил лёгкий поклон. Я кивнула в ответ, и куранты пробили десять.

Вечер закончился. Пора было уходить.

Наутро сырой ветер разогнал облака. На синем небе чернели ветки лип, вороны на них рьяно выясняли отношения. Звенели колокола Рыцарской церкви. С площади снова пахло выпечкой.

— Мадам, к вам господин Бернстайн, — чинно доложила Грета.

— Да будет церемонии разводить! — донёсся из коридора голос Отто. — Или уже столичным духом пропитались?

— Как спал? — откликнулась я, вдевая серьги.

— Спал отлично, сударыни, — входя, ответил Бернстайн. — Но ко мне прицепилась от вас таинственная болезнь вставания с первыми петухами. Я собирался поваляться хотя бы часов до десяти, но вы, видать, навели на меня порчу, чтоб было с кем колесить по улицам. Куда сегодня?

— В Исторический музей, разумеется — по следам преступления века. Грета, идёшь?

— Да боже упаси, только черепков я не видала! Уж найду, чем заняться.

— Как хочешь. Завтракать?

В музей мы явились как раз к открытию. Идти-то через две улицы — к бывшему Малому королевскому дворцу. Грета отправилась глазеть на витрины и афиши, а мы с Бернстайном поднялись по ступеням к главному входу. Перед резными дверями стояла известная мраморная аллегория — Время, похищающее Истину. Тема для Исторического музея самая подходящая. Время олицетворял полуголый мускулистый бородач, на которого в такую погоду даже смотреть было холодно. Дородная Истина воздевала руку к небесам, прося защиты.

Прямо на постаменте расположился молодой человек с блокнотом. Истину он завесил своим пальто так, что Время при всём желании её бы не обнаружило.

— Из всех аллегорий Истины почему-то всегда самые упитанные, — заметил Бернстайн, — всегда этому удивлялся. Счастье и Добродетель по сравнению с ней — сущие заморыши. В Галерее стоят, можешь сама убедиться. Видать, это значит, что никуда ты от Истины не укроешься и всегда её откуда-нибудь будет видно. Я бы на месте бородатого вёл себя с ней погалантнее и красть не пытался — так и хребет сломать недолго... Так, а это что? Нет, ты посмотри — разложился, как в пивной. Сейчас замечание ему сделаю.

— погоди, а это не журналист ли? Вон, у него герб на портфеле...

— А, точно. Исторический музей продолжает в поте лица возделывать ниву ограбления.

— Тогда это даже интересно — новое прочтение. Время похищает Истину, а Истина, получается...

— ...не видна под одеждами газетчиков, — Бернстайн фыркнул. — Нарочно и не придумаешь!

Это действительно оказался корреспондент одной из столичных газет. Он опрашивал входящих и выходящих, собирал впечатления о музее, и в частности — о таинственной истории с неудачным ограблением. В числе прочих обратился и к нам. Я отделалась общими фразами, а Бернстайн, который пребывал в приподнятом настроении, охотно вступил в разговор.

— Что желаете знать, сударь? Что лично я по этому поводу думаю? Так вот, — с многозначительным видом заметил он, — вся эта история с «Пером зимородка» не так проста, какой кажется, и мы ещё увидим продолжение. Весьма занимательное, скажу я вам.

Журналист смерил его взглядом и осведомился, на чём собеседник строит свои предположения.

— Есть на чём, — туманно ответил Отто, — уж мне поверьте.

— Так-с... Понятно. А что вы думаете про привидение?

— Привидение? — переспросил Бернстайн. С него на миг соскочила вся важность, и он озадаченно уставился на корреспондента. — Какое привидение?

— Короля Карла-Леонарда, последнего владельца скипетра, — судя по тону, новость была у всего города на слуху, и не знать её могли лишь дикие провинциалы вроде нас. — По свидетельствам служащих, король свободно разгуливает по музею, его видели несколько раз, — молодой человек посмотрел на нас поверх очков, — неужели не слышали?

— А к посетителям его величество не пристаёт? — спросил Отто. — Я, знаете ли, с привидениями не очень... Общий язык с трудом нахожу.

— Нет, конечно — ходит-то король по ночам. Попытка украсть скипетр его весьма встревожила, и Карл-Леонард, по словам очевидцев, лично проверяет сохранность экспоната. В связи с этим сокращены часы посещения, — и он постучал по вывеске.

Отто вопросительно глянул на меня.

— Что мы думаем про привидение? Мы вообще что-то про него думаем?

— Скажи, что выражаешь сомнения по этому поводу, — предложила я, — ввиду того, что привидения вряд ли существуют.

— Да, выражаю сомнения. Стойте, звучит недостаточно эффектно, — Отто цокнул языком. — Пишите, сударь! Я решительно отвергаю эти слухи. Никакого привидения нет, и как я уже сказал, вся эта история не так проста, как кажется.

— Не откажетесь ли сообщить для газеты своё имя? — уточнил корреспондент.

— Отто Бернштейн. Младший, — со значением ответил тот.

Имя на журналиста не произвело ровным счётом никакого впечатления. Он равнодушно записал его, пробурчал благодарность и пошёл охотиться на других посетителей. Спустя полминуты мы уже слышали, как он задавал тот же вопрос кому-то ещё, и посетители наперебой делились своими соображениями по поводу призраков, медиумов и спиритических сеансов.

— Как думаешь, оскорбиться мне или нет? — спросил Отто. — Тоже мне — столичный журналист, а понятия не имеет о нашей фамилии! Измельчала пресса. Погоди... Нет, я глазам не верю: в Исторический музей — и очередь!

Очередь! Это была даже не очередь, а настоящее столпотворение — в первый миг даже показалось, что мы попали не в музей, а в театр на премьеру сезона. Посетители, оживлённо переговариваясь, толпились у гардероба и касс, раскупали открытки, памятные монеты и брошюры по истории и экспонатам музея. Среди музейных сувениров больше всего было статуэток Карла-Леонарда — такой популярностью он, наверное, и при жизни не пользовался, хотя короля любили. Где-то были даже леденцы в виде скипетра — довольно кривые.

— Заметь, цены-то на билеты повысили, — сказала я.

— Ужас, — кивнул Отто. — Интересно, в буфет такая же толпа? Если так, то я выражаю решительный протест всему историческому сообществу...

Стоявший впереди старичок обернулся и оглядел нас со сдержанным неодобрением. Нашивки на его мундире Министерства просвещения сурово посверкивали. Мы отвели глаза каждый в свою сторону, сделав вид, что старичку показалось. Куда смотрел Бернштейн, не знаю, а перед моим взглядом оказалась выдержка из приказа об изменении цен и правилах поведения в музее.

Пока двигалась очередь, я прочитала объявление раз пять, начиная с заголовка, и заканчивая подписью.

— Интересно, а директор куда делся...

— Что?

— Вон, почитай.

Отто повернулся и ознакомился с объявлением.

— Да-да, цены повысили, я слышал. Сказал бы даже — безобразно задрали. И часы посещения сократили, об этом тот малограмотный репортёр сообщил.

— А кем приказ подписан, видишь? Исполняющим обязанности директора.

Бернштейн пожал плечами.

— И что же?

— А директор куда делся? Помнишь статью в газете? Показания-то давал он. И такие документы подписывает тоже он.

— Да мало ли куда делся... Отпуск взял. Приболел — писали ведь, что у него сердце от этого ужаса прихватило — целую подделку свистнули и на улице бросили. Да ещё полиции поди это всё объясни.

Мы прошли по гулкому коридору мимо рядов рыцарских доспехов и встали на пороге главного зала. Вокруг расхаживали нарядные посетители, с видом знатоков обсуждая экспонаты, на которые в другое время бы и не глянули. Если бы вообще тут оказались.

Дворец задумывался как Малый королевский — почему уж Семье он не приглянулся, неизвестно — и здесь по плану располагался Тронный зал. Вдоль стен в два ряда стояли витрины. В углу — знамёна земель Вогезии, там же виднелся и саркофаг, который обсуждался на предмет похищения. Выглядел он внушительно.

На стене против дверей висел портрет Карла-Леонарда в коронационном костюме, со скипетром и белой борзой, склонившей голову королю на колени. Где-то там и следовало искать «Перо зимородка».

Мы пошли между рядов пергаментов, кирпичей и древних ларцов.

— Орудия труда первобытного человека, — бурчал Отто. — У тетюшки в сарае я похожие видел, и у тех вид подревнее был. Остатки глиняной посуды... Ну, госпожа Кунигунда такие черепки десятками производит, когда суп варить примется. А вон зуб доисторического животного — по мне так очень похоже на гипс, и я бы получше раскрасил. А эта штука как называется? — спросил он, кивнув на один из сосудов. — Всё время забываю...

— Перегородчатая эмаль.

— Да, точно, — он приостановился. — Момент... Задержимся.

— Раньше ты вроде не интересовался. Благотворное влияние музея?

— И сейчас не интересуюсь, уж прости. А есть пудреница или зеркало?

— Не волнуйся, ты выглядишь отлично. Для музея в самый раз. Держи...

Я вытащила зеркальце. Бернштейн раскрыл его и осторожно рассмотрел кого-то за спиной.

— Грабителей выискиваешь? — тихо спросила я. — Тоже хочешь прославиться?

— Грабители — вряд ли, но двое очень подозрительных типов, — ответил он, не отрывая взгляда от зеркала. — И мы, кажется, стали объектами их внимания... Что довольно странно.

Я сдвинула сумочку вперёд. Отроду не припомню, чтобы в Историческом музее орудовали карманники — более нелепое место для них вообще сложно представить — но в свете недавних событий, когда музей обзавёлся кучей посетителей со всех концов страны...

Отто заметил этот жест:

— А, всё забываю, что подозрительные типы для тебя и для меня — совершенно разные люди. Нет, это не воришки. Я бы даже сказал — наоборот.

— Полиция? — переспросила я. — В штатском?

Бернштейн неловко повёл плечами — обычно это значило, что он в сильном недоумении или затруднении.

— Да вот не пойму. Вроде бы и да, и нет...

— Коллекционеры?

— Не похоже.

— Тогда просто интересующиеся. Вон их тут сколько.

— А то я обычных зевак по виду не определю. Нет, очень уж взгляд цепкий. А вон тот белобрысый тебя уже глазами начал обыскивать...

Как он сказал — «белобрысый»?!

— Дай зеркало! Где ты их увидел?

Бернштейн украдкой глянул через плечо.

— Вон у тех знамён торчали. Нет, поздно — уже в соседний зал ушли.

— Ты их запомнил?

— Не слишком разглядывал. А что такое-то? — с любопытством спросил он. — Неужели и ты на ножах с законниками? С каких это пор?

— Скажешь тоже!

— Может, рассчиталась с долгами, ограбив пару банков. Например, Общество коммерческого кредита, и...

— Почти так и было.

— Шучу!

— А я — нет, представь себе, — я разглядывала посетителей. Но нет, ни одного знакомого лица. — Ладно. Идём к скипетру, пока там пусто.

Опечатанная витрина стояла у стены. Рядом на подставке лежал том «Полной истории скипетра», украшенный драгоценным королевским гербом — изумрудный зимородок держал в клюве серебряную рыбку. Отполированные чешуйки вспыхивали, ловя солнце из арочных окон.

В углу на стульчике восседала смотрительница зала, явно гордая своей ролью — она сурово зыркала по сторонам, выискивая новых охотников за историческими сокровищами. Позади на стене висел ростовой портрет короля. Карл-Леонард снисходительно поглядывал на праздную публику, что по мере сил пыталась приобщиться к его тайнам.

— Впервые вижу, чтобы так картины вешали, — заметил Бернштейн, кивнув на портрет, — вровень с полом. Хотя если упадёт на кого, такой рамой и убить недолго. Подойдём?

Однако подойти не получилось — портрет огораживали столбики с бархатными канатами.

— Видел? Это, оказывается, тоже ценность.

— Совсем сдурели... Это же просто портрет! И не удивлюсь, если тоже копия...

Смотрительница, повернувшись, смерила нас подозрительным взглядом, дав понять, что возможные преступные намерения замечены. Мы приняли благопристойный вид и вернулись к витрине, где в чёрном бархате покоился скипетр.

До чего же необычным он был... Больше похож на произведение искусства, чем на королевскую регалию. Золочёный жезл был не прямой и гладкий, а изображал ветку дерева — кривоватый, весь в сучках и мелких отростках, даже на вид острых. Может, в этом и был замысел: каждым прикосновением напоминать, что бремя королевской власти в руке удержать нелегко.

Ближе к наверху начинались и сами «перья», набранные из лиловых, жёлтых и зелёных стразов. «Голову зимородка» имитировало сине-зелёное фигурное стекло, довольно точно повторявшее форму и оттенок легендарного камня.

«Перо зимородка» я видела и раньше, но сейчас в нём что-то изменилось, заиграло по-новому. Вся эта странная история не давала покоя, она оживила копию, зажгла её искрами той силы, которой, если верить преданиям, было наделено настоящее «Перо».

Отто прикидывался, что ему всё равно, дурачился и говорил глупости. Предлагал натащить битой посуды, старых ухватов, прочего мусора и сдать в Исторический музей — может, сойдёт за древности. Главное, придумать легенды покрасочнее, а уж это мы сумеем, вдвоём-то. Особенно я на такие дела мастер.

В шаге от нас остановился молодой человек — тоже полюбознать насчёт «Пера». Я глянула на посетителя, и мне вдруг стало не до скипетра. Отто продолжал болтать что-то, но я уже не слушала, рассматривая незнакомца. Или знакомого?

Встречался он мне раньше? Скорее нет — я бы вряд ли забыла. И всё же в его лице, чертах, даже самом выражении было что-то удивительно знакомое. Где и когда я могла его видеть... На учёбе, на выставке? Может, на картине? Да, это вернее — лицо для портрета вполне подходящее.

Темноволосый, карие глаза, узкий подбородок. Невысокий, но хорошо сложен. Тонкие приятные черты. И лёгкая нервозность в лице — он дёргал красиво очерченной бровью и хмурился.

Всё это я разглядела сразу, потом заметила трость. Незнакомец тяжело опирался на неё. В остальном же выглядел прекрасно — в тёмно-синем костюме, отлично сидевшем, с белой гвоздикой в петлице.

Я смотрела и гадала, кто бы это мог быть. Историк? Да, пожалуй, историк, раз так интересовался «Пером». В то же время эта нервозность, какая-то общая тонкость наталкивали на мысль, что посетитель мог иметь отношение к искусству. Художник, например. Или скульптор. А вдруг это и вовсе побочный сын короля? Явился взглянуть на реликвию, которая могла бы принадлежать ему по праву.

Воображение уже развивало фантазмагорические идеи насчёт возможного участия незаконного отпрыска в похищении скипетра, когда снова донеслась болтовня Бернстайна.

— ...раз это Исторический музей, — не унимался Отто, — надо же его снабжать историями, не так ли? Какие-то олухи одну уже подбросили, почему мы до сих пор без дела? Придумаем что-нибудь про чудо-скипетр. Как там он появился?

Молодой человек поднял глаза, и я встретила с ним взглядом. И снова это ощущение — будто я его уже видела. Его или кого-то очень похожего.

— Это пастушеский посох, — произнёс он.

Отто прервал свой поток и удивлённо глянул на незнакомца.

— Это образ пастушеского посоха, — повторил молодой человек. — Первый государь происходил из семьи пастухов и пас овец в краях, где гнездились зимородки. Прошу прощения, что вмешался в ваш разговор.

— Ну что вы, сударь, — ответила я. — Мы рады умному собеседнику.

— Благодарю за комплимент, — сказал необычный посетитель, — правда, он пока не заслужен. Не так уж я умён, как выясняется... Знаете, до всей этой истории я был совершенно уверен, что никакого «Пера зимородка» в действительности не существовало.

— То есть как? — спросил Бернстайн.

— Очень просто. Это была легенда, причём кем-то придуманная. Рукотворная, если хотите.

— И для чего, по-вашему?

— Такое случается. Были непростые времена, и люди нуждались в каком-то символе, понимаете, некоей вещи, которая дарит надежду. Всюду разруха и голод. Да ещё война всё не прекращалась. А тут пошли разговоры, что в той деревне, откуда был родом первый король, видели его призрака с посохом. Этот посох и попал к тогдашнему государю с заветом опереться на него. Красивая история. И свою роль сыграла.

Я посмотрела на герб. На лазоревой ленте значился девиз: «Я есть опора государства».

— Но, видите ли, — историк потёр подбородок, — когда я знакомился с первоисточниками, всюду выходили какие-то нестыковки. То люди, описывавшие его, по протоколу не могли присутствовать на церемониях и не имели доступа к регалиям, то датировки не совпадают. Всё с чьих-то слов, всё по каким-то воспоминаниям. С камнями вопросы. Одни самоцветы тогда не умели обрабатывать, другие в Вогезии ещё не нашли, в смысле — их месторождения. А о технике создания вообще ни слова. Утрачена. Или её никогда не существовало.

— Но ведь это только копия, — возразил Отто. Слова незнакомца он воспринял как некие претензии к скипетру и отцу. Мало ли какие отношения у них были, но сомневаться в его талантах Отто никому бы не позволил. — Сделали наиболее похожее из того, что могли. И сделали, по-моему, неплохо!

Незнакомец не смутился.

— Я говорю вовсе не о качестве работы, — спокойно возразил он. — Если скипетр сделали просто похожим, тогда не должны были писать это, — он перевернул страницу, — вот, взгляните. «Доподлинное воспроизведение вида оригинала». Доподлинное. Это вообще-

то документ. К тому же работал Отто Бернштейн. Не думаю, что он позволил бы себе сделать просто что-то похожее.

Последние слова несколько примирили моего спутника с незнакомцем, и Отто снизошёл:

— А вы знали отца?

— Что? — откликнулся тот, листая книгу.

— Я спросил — вы знали Бернштейна-старшего?

— Лично — не слишком хорошо. Он читал курс техники живописи в Академии художеств, я на лекциях присутствовал как слушатель. Так вот, возвращаясь к скипетру. Я всё раздумывал над этими нестыковками, и сама собой родилась мысль, что «Перо зимородка» в том виде, в каком мы его нынче наблюдаем, в действительности не существовало. Оно было лишь на картинах и в чьих-то придуманных воспоминаниях.

— Смело, — заметила я.

— Даже дерзко, — кивнул Отто. — Скажите пожалуйста — столько людей исписали тома монографий, и никому даже в голову не пришла этакая остроумная мысль!

Я незаметно толкнула Отто локтем — фраза прозвучала с плохо скрытым сарказмом. Но сбить историка-художника было невозможно.

— Ваш скептицизм понятен, — ответил он. — Не раз слышал подобное, от своих друзей в том числе. Прозвали меня спятившим архивариусом и подарили шапочку с красной каймой, какие они носят в городских управах... — он прервался, глядя на меня. — Вам нехорошо?

— Нет-нет, продолжайте...

«Спятивший архивариус», шапочка с красной каймой. Знакомые слова, настолько знакомые, что просто резали слух. И я никак не могла припомнить, где их слышала!

— Что до научных трудов, — продолжал историк, поглядывая на меня, — то их были не такие уж тома. Именно в исторической монографии скипетр упомянут один раз, и опять же с чьих-то слов. Что до остального — у меня просто свежий взгляд, и не более...

— Простите, — перебила я его, — а мы раньше не встречались?

— Вряд ли, — ответил он, — я бы вас запомнил. — И улыбнулся.

У него были тонкие губы, оставлявшие впечатление то ли придиристичности, то ли лёгкого высокомерия, но когда он улыбался, это впечатление исчезало, и улыбка получалась просто обворожительной.

— Со мной, судя по всему, тоже не встречались, — сухоvalo заметил Бернштейн. — Хотя вы и художник. Вы ведь художник, так?

— Не совсем.

— То есть?

— Долго объяснять. То, что перед нами, гораздо интереснее.

Судя по его виду, Бернштейн готовился выдать нечто вроде «что значит „не совсем“, художником можно только быть всей душой, или не быть им вовсе», и так далее, поэтому я не стала ждать:

— Хорошо, вы говорили — до всей этой истории. Сначала думали, что скипетра не существовало, а потом что-то заставило вас передумать?

— Да. Я считал, что «Перо зимородка» было только легендой, но всё оказалось не так просто... — он замолчал, глядя в сторону. В его глазах мелькнуло беспокойство, и нервозность во всём облике ещё больше обострилась. — Простите, должен вас оставить. Коротко говоря, моя уверенность сильно поколебалась, и теперь я не знаю, точно ли был прав... Увы, мне нужно идти. Ещё раз прошу прощения, что вмешался в беседу. Желаю приятного пребывания в музее.

— Торопитесь? — спросил Отто. — Вам помочь?

— Что? Нет, благодарю. Прощайте! — и он, хромая, но быстро двинулся к выходу, лавируя между посетителями.

— Станный тип, — вполголоса заметил Отто, глядя ему вслед.

— А, по-моему, очень милый молодой человек.

— Конечно... Наговорил какой-то ерунды и пошёл себе. Видать, понял, что мы не станем принимать на веру бредни каждого сумасшедшего, вот и отправился дурить головы ещё кому-нибудь.

— Он, между прочим, рассыпался в комплиментах твоему отцу. Мог бы и оценить!

— Ага, я даже подумал, что этот зануда не безнадёжен. Но всё же ошибся. Глянь-ка, про целый скипетр историки наврали, а он один озарился догадкой. А тебе, похоже, приглянулся этот книжный червь, — едко добавил Бернстайн.

— Ты просто невежда. Ладно, идём дальше.

— К буфету, ты имеешь ввиду. Больше тут делать нечего.

Очередь в буфет оказалась ещё страшнее, чем за билетами, и мы вышли из музея. Остановились на ступеньках.

— Смотри, вон наше чудо, — сказал Бернстайн. — Интересно, куда он так заторопился... Небось, кинулся рассекречивать очередную тайну.

— А мне показалось — увидел неприятных знакомых, — ответила я, выискивая взглядом нашего историка. Да, вот он — шёл по теневой стороне ближе к стенам домов. — И стремился от них скрыться.

Отто прищурился против солнца, натягивая перчатки.

— Конкуренты по расследованиям...

По улице ехала коляска. Поравнявшись с историком, она остановилась, а из-за угла наперез ему вышел какой-то человек. Историк шарахнулся от него, но тут из коляски выпрыгнул второй и схватил его за плечо. Произошла короткая, но, судя по жестам, горячая перепалка — историку-художнику настойчиво предлагали ехать, он отказывался, но силы были неравны. Его попросту запихнули в экипаж.

— Ты это видел?!

Отто во все глаза смотрел на сцену.

— Так... Ты отправляйся в гостиницу, а я прослежу за экипажем, — и Бернстайн поскакал вниз по ступенькам. — Узнаю, куда повезли сумасшедшего, и сообщу в ближайший участок. Надеюсь — не пристукнут по дороге... Ведь думал же с полицией больше не связываться, а вот поди ж ты!

— Я с тобой!

— Ещё чего! Поедешь в гостиницу и нос на улицу не высовывай! Кто знает, что тут творится... Скипетры, призраки, историки ненормальные... Эй! Да, вы, сударь! Свободны?

— Ты мне не приказывай!

Перед нами остановилась городская двуколка с гербом извозничьей службы. Бернстайн запрыгнул в неё, и, обругав меня на чём свет стоит, втащил за руку.

— Прямо по улице! — скомандовал он.

Коляска тронулась с места.

— Быстрее, прошу вас, — поторапливала я, — теперь направо...

— Они уже смешались с другими экипажами! — крикнул Отто, тряся извозчика.

— Ничего подобного! Вон, серая в яблоках, двадцать седьмой номер!

— Не иначе ты влюбилась в этого книгоеда с первого взгляда! Вот женщины — даже в храме истории одни интрижки на уме! Да быстрее ж вы, повелитель лошади!

— Куда торопимся-то? — пробурчал извозчик.

— Дама за любовником следит, — отрезал Отто. Коляску подбросило, и он ударился боком. — Поосторожнее!

— Так тебе и надо!

— А ты и рада! Эй, куда они делись?

— На Королевский ров свернули! Вон же!

Надо сказать, что Королевский ров, куда направлялась карета, вовсе не походил на задворки города. Здесь большей частью располагались хорошие гостиницы, конторы солидных банков и дорогие доходные дома.

Пока мы гадали, за что пострадал бедный историк, на миг выпустили карету из вида. Меня прошиб холодный пот — потеряли! Но нет, вон он, двадцать седьмой экипаж и серая лошадь... У дверей барочного особняка с зарослями можжевельника и барельефом лебедя над входом. Дом стоял в глубине улицы и не бросался в глаза.

— Неплохо, — заметил Отто, словно услышав мои мысли. — Вон куда нынче историков прячут... Стойте, сударь! Приехали! Вот, держите, — он выгреб мелочь из карманов и широким жестом вывалил извозчику на колени: — Без сдачи!

— Прибавить бы за скорость, — недовольно ответил тот.

— За неё только убавить могу!

— Да выходим уже! — я спрыгнула с подножки. Оттянула перчатку, увидела знакомый красный свет кольца. Что ж, за дело.

Бернштейн замялся у двери в понятном замешательстве. Подошёл к окну и заглянул в дом.

— Ничего не видно, — сообщил он. — И что делать будем? Не стучаться же... Где тут ближайший участок? Ты беги, а я тут покараулю.

— погоди! Давай проверим — может, не заперто, — я взялась за дверную ручку и потянула на себя. — Мало ли, забыли второпях.

— Не заперто? Сама-то в это веришь? — но он тут же запнулся, когда дверь приоткрылась. — Что за чудеса... А если нас там поджидают?

— Да кому мы сдались...

Месяца два назад я вот так же прокралась в чужой дом, и с того момента начались те ещё приключения. Как бы в привычку не вошло. А насчёт двери — надеюсь, Бернштейн поверил, ибо давать поводы для догадок не хотелось. Теперь, в моём-то нынешнем положении быть пойманной на взломе дверей мне совсем не с руки — даже если взлом имел место с помощью такой необычной отмычки, как фамильное кольцо.

Мы тихо прошли в полутёмную переднюю. Отто осторожно прикрыл дверь.

Вроде бы никого. Тускло поблескивали перила и прутья, прижимавшие к ступеням ковер. А это ещё кто...

— Только попугая не хватало, — свирепо прошептал Бернштейн. — Надеюсь, хоть не говорящий!

На жёрдочке и вправду сидел белый попугай. Он дремал и выглядел мирно, но я по Максимилиану знала, что с птицами шутки бывают плохи. А ведь могли бы и на собаку нарваться.

Из-под неплотно закрытой двери слышались голоса: похоже, там шёл ожесточённый спор.

— Самое время звать полицию, — прошептал Отто, косясь на птицу.

— погоди! Я уверена, что всё вот-вот разрешится...

— В этом-то не сомневаюсь. Вопрос в том, как именно разрешится...

Видимо, спорщики приблизились к двери — голоса зазвучали громче, можно было разобрать отдельные слова. Из спора выбивался голос нашего учёного, и, странное дело, он ругал кого-то, совершенно не стесняясь. Значит, не в таком уж беззащитном положении находился.

— ...как бандиты с большой дороги! Это же просто позорище! А если бы кто-то из сослуживцев увидел?!

— А мне всё равно, — прервал его голос, от звука которого я вздрогнула.

— А мне — нет, представь себе! — резко ответил любитель энциклопедий. — И что я такого натворил, скажи на милость?

— Ничего особенного. Ты просто сбежал.

— Сбежал! Там решёток на окнах не было, и я не понял, что нахожусь под стражей.

— Это я исправлю, — бесстрастно произнёс тот же голос. Теперь ошибиться было невозможно. — Надеюсь, ты сможешь объяснить, почему покинул Эрзиттен, и внимательно слушаю.

— Вот и слушай, — нервно отрезал историк. — Я в этой деревне скоро с ума сойду от скуки. Такое объяснение тебя устроит?

— Ну и как в Историческом музее — весело?

— Да уж повеселее, чем в той глуши...

— Не преувеличивай. Провёл я там пару дней, и совершенно не скучал.

— За пару дней и я бы не соскучился, тем более в таком-то обществе.

— Конрад! — невидимый, но хорошо знакомый собеседник повысил голос.

Я хлопнула себя по лбу. Ну конечно же!

— Так ты его всё же знаешь? — удивился Отто.

— Его — понаслышке. Но видела сестру, так они на одно лицо!..

— Ясно. Как я понял, ему ничего не грозит, — тихо заметил Бернстайн.

— Нет, точно ничего. Просто дружеская ссора...

— Так чего мы выжидаем?! Бегом отсюда! Вон, уже попугай зашевелился...

Отто был прав. Если нас застигнет хозяин дома, или арендатор, или в каком качестве тут пребывал обладатель голоса, тёплой встречи ждать не стоило. Ещё решит, что я за ним следила — а при таких-то обстоятельствах поди докажи обратное. Но раз уж так вышло, я просто должна была узнать, хотя бы попытаться выяснить, надолго ли он здесь и чем занят. И дом надо запомнить — Королевский ров, особняк с лебедем, против колонны Гертруды...

— Ещё немного, мы ведь никуда не опаздываем! Успеем выскочить, если что...

Бернстайн недовольно заклекотал, но уходить я не собиралась.

— Не кричи на меня, — продолжал Конрад. — Ты просто деспот, Эрик! Деспот и тиран! Я тебе сто раз говорил, что уже здоров, как бык... — его слова прервал сухой кашель.

— Вот что, Конрад, — произнёс Эрик знакомым холодным тоном. — Завтра утром отбываешь в Эрзиттен. Увижу без письма от врача — пеняй на себя. Ты меня знаешь.

— Я на тебя в полицию подам! — звук шагов и удары трости раздались у самой двери.

Тут уж и я поняла, что делать нам здесь нечего. Но Бернстайн, на беду, задел стул, тот с грохотом опрокинулся, и Отто, споткнувшись, рухнул на пол. Попугай встрепнулся и захлопал крыльями. Дверь распахнулась, и на пороге встали оба — Конрад и тот самый, «деспот». В один короткий миг он бросился в глаза на фоне освещённого дверного проёма. Совершенно не изменился...

— Кто здесь? — спросил Конрад.

Отто, вполголоса ругая всех на свете, меня в первую очередь, поднялся с пола.

— Простите, мы просто ошиблись домом, — как могла спокойнее ответила я, отступая в тень.

Из освещённой комнаты наверняка не видно тёмную переднюю, и меня никто не разглядел, но тут Эрик сделал шаг вперёд.

— Не может быть, — тихо сказал он и добавил громче: — Повторите!

Бернстайн выпутался из ножек стула и встал, держась за колено.

— Ошиблись дверью, — внятно повторил он. — Мы не воры, господа. И нас тут сейчас уже не будет. Простите за беспокойство...

Эрик быстро вышел и встал напротив. Смотрел прямо на меня, и таким взглядом, словно увидал привидение.

— А, так это же мои знакомые! — воскликнул Конрад. — Пройдите, хватит стоять на пороге!

— Знакомые? — переспросил Эрик. — И когда вы успели?..

— Сегодня в музее. Ну проходите же!

Мы переглянулись. Отто пропустил меня вперёд и вошёл следом.

— Познакомились — это громко сказано, — заметил он. — Так, небольшая беседа вышла.

— Небольшая, но весьма занимательная, — кивнул Конрад, с любопытством переводя взгляд с меня на Бернштейна. — А... здесь вы как оказались?

— Дверью ошиб... — снова начал Отто, но увилить было бессмысленно.

— Мы видели, что произошло на выходе из музея, — ответила я, — и решили проследить за экипажем. Всё равно было по дороге. Почти...

— Так вы собрались меня спасать, так? — Конрад улыбнулся.

— Хотя бы увидеть, куда вас повезли, чтобы сообщить в полицию, — сказал Бернштейн.

— Очень рады, что вы целы и невредимы, сударь. Раз всё хорошо, позвольте откланяться.

Тут из прихожей довольно членораздельно донеслось:

— Полундр-р-ра! Пир-р-ратские рожи!

Попугай оправился от потрясения и сообщал о пришедших своё мнение — в общем-то, верное. Конрад, опираясь о трость, подошёл ближе.

— Очень великодушно с вашей стороны, — сказал он. — Я благодарен за участие.

— Присоединяюсь, — кивнул Эрик. — А как вы попали в дом, позвольте узнать?

— Так вы же дверь запереть забыли, — совершенно искренне ответил Бернштейн.

Эрик посмотрел на меня, и в его взгляде отчётливо читалось, что именно он подумал. Да ещё проклятый попугай надрывался, крича про «грабёж» и «ворьё».

— До чего невоспитанная птица, — раздражённо сказал Бернштейн. — И лексикон у неё дурацкий. Ну, сударь, посудите сами... — он в растерянности развёл руками, даже не понимая, как объясниться. — Вы же не думаете, что я взломал дверь? — и мне: — Скажи ты ему, как дело было!

— Он не взламывал, — глядя в сторону, подтвердила я. — Могу присягнуть.

— А, ну тогда все подозрения сняты, — саркастически ответил Эрик.

Конрад всё это время рассматривал нас очень внимательно, и его тёмная стрельчатая бровь нервно подёргивалась. Наконец, решившись на что-то, или, скорее, о чём-то догадавшись, он произнёс:

— Эрик, как я понял, вы знакомы. Будь добр, представь меня даме...

Эрик подошёл ближе. У меня всё так и сжалось внутри — и оттого, что он снова был рядом, и оттого, что вот прямо сейчас этот милый историк узнает, кому именно обязан и своей тростью, и своим кашлем. Когда Эрик заговорил, мне показалось, что его голос дрогнул:

— Анна-Леста Вандервельт, позвольте представить вам... Это мой друг, Конрад Веллен.

Странная у нас выходила беседа.

Мы чинно сидели в комнате с видом на Королевский ров — одну из красивейших улиц — и вели светский разговор с таким видом, будто только что познакомились. Хотя заочно, как выяснилось, знали друг друга очень даже неплохо. Конрад с жадностью слушал, заставлял раз по пять повторять подробности той знаменательной истории, переспрашивал. Я отвечала, стараясь опускать кое-какие детали — например, насчёт кольца. Но вот так сходу привирать и замалчивать было трудновато, особенно когда попугай снова принимался делиться своими соображениями.

А Конрад, как назло, моментально схватывал все нестыковки. Как мы встретились в Бестаме, затем в Вельхеме, как следовали потом в наше поместье, а что Рудольф, а как его брали, а не пострадала ли я...

— Он же был вооружён? — уточнил Конрад.

— Да.

— Стрелял?

— Мне повезло. — Эрик глянул на меня, но возражать не стал. — Меня спас Максимилиан.

— Что за неизвестный герой? Ваш родственник?

— Это воробьиный сыч, который живёт у моего дома. Такая маленькая сова.

Отто в ужасе переводил взгляд с меня на Конрада, потом взглядывал на Эрика. Тот вполоборота стоял у окна, наблюдая за улицей. Его светлые волосы блестели под неярким зимним солнцем, а строгий профиль и бесстрастное выражение напоминали каменных статуй, вырезанных в нишах колонны Гертруды — из окна её было хорошо видно.

— Что же, господин фон Эдель ничего не рассказывал?

— Господин фон Эдель сообщил телеграммой, что ваш дядя арестован, и решил, что с меня хватит, — ответил Конрад. — Как будто ничего особенного не произошло. Кажется, он и сейчас так думает.

Эрик отошёл от окна.

— Вовсе нет, — сказал он. — А могу я узнать ваше имя, сударь? Мы так и не познакомились.

— Отто Бернстайн-младший.

— Тот самый? — переспросил Эрик.

— Младший, — повторил Отто.

— Я и говорю — тот самый?

У Бернстайна загорелись уши.

— Тот самый, если хотите. А вас как величать, ваше превосходительство? — сердито спросил Отто.

— Эрик фон Эдель. И вы сильно повысили меня в звании — я всего лишь старший советник юстиции.

— В полиции служите, сударь?

— Именно там.

— Какой кошмар. А вы? — он глянул на Конрада.

Тот чуть улыбнулся и кивнул.

Вот так — рядом оказались двое людей, которые были мне очень дороги, каждый по-своему, и каждый думал о том, какие предосудительные у меня знакомства.

— Теперь ясно, почему госпожа Вандервельт не спешила рассказывать про свои приключения, — заметил Бернстайн. — Даже представить себе не мог, как всё было на самом деле... Вот откуда у вашей домашней птицы такой словарный запас. А мы-то вас за художника приняли, — он укоризненно поглядел на Конрада, будто тот был в чём-то виноват, — или за поэта. Даже подумать не могли, кто вы такой-то.

— Если вы и ошиблись, то совсем немного, — заметил Эрик. — Господин Веллен человек разносторонний и рутинными обязанностями себя не ограничивает. Но если не возражаете, поговорим лучше про вас двоих.

— А что про нас разговаривать? — спросила я.

— Ну как, вы интересная пара. Образованные талантливые люди с авантурными наклонностями. Следите, вламываетесь в чужие дома, подслушиваете...

Отто злобно покосился на меня, но благородство не позволило ему сообщить, кто именно подбил его на эти грязные дела.

— Будьте любезны — расскажите, какие такие дела привели вас в столицу.

— Под протокол? — едко спросил Отто.

— А вам так привычнее? — невозмутимо парировал тот. — Нет, считайте, что я спрашиваю из чистого любопытства.

— Из чистого любопытства, — повторил Бернстайн. — Служащий полиции спрашивает из чистого любопытства...

— Вы конспирируете на ровном месте, — ответила я. — Мы приехали погулять по столице. Возможно, заглянем на выставку «Наследия», если случай подвернётся, — Эрик улыбнулся одними глазами, и я добавила: — как и многие другие, кстати! Не стоит нас ни в чём таком подозревать.

— А, драгоценности герцогского дома. Что ж, плохо дело.

— С чего бы? — спросила я, предчувствуя очередную шпильку.

— Сами посудите. Двое известных любителей ценностей, да ещё с таким занимательным прошлым, пожаловали на серьёзное мероприятие. Стянутых сил полиции вряд ли будет достаточно.

— Вы чрезвычайно остроумны, как всегда! Но куда же двум мошенникам с вами-то тягаться?

— Не злитесь, — сказал Конрад, глядя попугая, который пришёл в комнату и забрался к нему на подлокотник. — Эрик ничего такого не имел ввиду, правда, дружок?

— Вор-рьё, — ответил попугай, жмурясь от удовольствия.

— С мошенниками было бы проще, — сказал Эрик. — Хорошо, допустим, я поверил. А в музей вы зачем направились? Полюбопытствовать насчёт привидения? — он поймал мой недоумённый взгляд и кивнул: — Да-да, призрак Карла-Леонарда сам взялся за охрану скипетра, раз служащие не справляются. Что думаете по этому поводу?

— Ну, скипетр — это новодел, — сказал Бернстайн. — Восстановленный по картинам, чьим-то там воспоминаниям, книгам... Исторической или ювелирной ценности не представляет. А насчёт призрака — не знаю, что и думать, — он пожал плечами. — Совершенно не по моей части.

— А вы что скажете? — спросил у меня Эрик.

— То же самое. Нам и вправду неизвестно ничего... подозрительного. Разве что вся история с ограблением музея и брошенным скипетром выглядит глупо. А такие явные глупости обращают на себя внимание.

Эрик откинулся на спинку кресла, ища что-то во внутреннем кармане.

— Знаете, осенью профессор Эверих при встрече рассказывал совершенно фантастические вещи, — заметил он. — Я как раз кое-что вспомнил...

— Иезекиил? — переспросил Отто. — А он случайно не под градусом был?

Эрик снова улыбнулся своими кошачьими глазами.

— Немного.

— А, ну так делите сразу на десять. Наш профессор — прекрасный человек, только пьёт как сапожник. А с пьяных глаз и вовсе соловьём заливается...

— Это касалось госпожи Вандервельт, — уточнил Эрик.

Отто неловко кашлянул.

— Профессор Эверих помимо прочего упоминал ваши удивительные навыки в геммологии. Будто камни на глаз отличаете. Тоже врал?

— До некоторых пределов могу.

— До некоторых пределов...

Я схватила со стола стеклянную чернильницу с отбитым краем:

— Хорошо, вот это — точно не алмаз. Довольны?

— Вижу, ваш пьющий наставник не обманул.

— Что вам надо?

— Не злитесь, я же сказал, что сражён наповал. Вернёмся к скипетру. Значит, новодел...

— Эрик положил на стол чёрный футляр и придвинул ко мне: — Тогда посмотрите на это. Сами откроете?

Если бы взглядом можно было испепелить, от господина советника юстиции уже давно осталась бы кучка золы. Ничего, ещё найду возможность поставить вас на место, не в последний раз видимся... От этой мысли настроение почему-то заметно улучшилось.

Я открыла футляр. В чёрном бархате лежали три маленьких камня, похожих на капли — две солнечно-жёлтые и одна лиловая. Так вот к чему эти расспросы... Интересное развитие событий. Я сунула руку в сумочку и вспомнила, что вчера распаковала не все вещи. То, что сейчас нужно, всё ещё в чемоданах.

— Увеличительное стекло найдётся?

Конрад вытащил из письменного прибора лупу и положил передо мной.

Холодные золотистые капли оказались топазами, и довольно чистыми. Здесь даже сомнений не было. Я повернула камни под углом, любуясь игрой цвета. Наш «Лесной змей» был выполнен из топазов, и я любила разглядывать это ожерелье. Про него ещё говорили, что оно способно удушить чужого человека, который его присвоил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.